

Основой спектакля «Морфий», поставленного Евгением Богинской на Малой сцене Театра им. Ленсовета, стал одноименный рассказ Михаила Булгакова, самостоятельный, но тематически примыкающий к циклу «Записки юного врача» (1925-1926 гг.). Опираясь на собственные впечатления работы в больнице села Никольского Смоленской губернии в 1916-1917 годах, писатель с хирургической точностью вскрыл причины тревожного и тоскливого состояния своего героя, характерного для морфиниста.

История зависимости от морфия молодого врача Сергея Полякова начинается в период коренных потрясений России и краха личной жизни: его бросает возлюбленная, оперная певица, с которой он прожил год – целую вечность в исчислении юности. Вдали от Москвы в болезненном, сумрачном состоянии он начинает новую страницу своего жизненного дневника. Разворачивается захватывающая хроника отчаяния, мужества, бессилия и внезапной концентрации воли, неизменно хладнокровия и пекла отчаяния героя.

Бегство от любви и людей оборачивается для Полякова встречей с любовью в неожиданных множествах её проявлений и с людьми, предстоящими в самых невероятных образах и жизненных обстоятельствах. «Двойные сны» – галлюцинации, начавшиеся вскоре у врача, принимающего морфий, перемежаются с не менее фантастическими событиями и переживаниями реальной жизни. Он с удивлением, а порой с восторгом или ужасом открывает в себе неизвестные до того качества, когда один на один оказывается перед разверзшейся бездной собственной души.

Литература знает немало примеров описания необычных состояний человека, находящегося под воздействием веществ, изменяющих сознание. Достаточно назвать «Исповедь англичанина, употребляющего опиум» (1822 г.) Томаса Де Квинси, эссе Шарля Бодлера «Поэма о гашише» (1858 г.) и «Роман с кокаином» Михаила Агеева (публикация 1934 г.). Отличие «Морфия» Михаила Булгакова от названных произведений в том, что его герой прибегает к наркотику не от жажды острых ощущений или в надежде найти источник творческого вдохновения. Нет, именно желание погасить физическое страдание, вызванное, скорее всего, страданием душевным, да ещё на фоне обще-

ственной катастрофы, подвигает молодого человека принимать вещество, которое вместе с болью подавляет и его самого.

Такова в кратком изложении суть рассказа Булгакова. Режиссёр-постановщик Евгения Богинская и автор сценической адаптации Владимир Кустов нашли возможность дать этой сути зримое воплощение. Оно оказалось не иллюстративным «подстрочником» литературного оригинала, а полноценным театральным «переводом» исповедальной прозы на язык зрелища, которое полностью захватывает зрителя.

В спектакле «Морфий» заняты два актёра: Иван Шевченко играет врача Сергея Полякова; в роли Анны Кирилловны, акушерки и тайной жены Полякова, – Владислава Пашенко. Их игра явила удивительный дуэт, который хочется назвать «симфоническим», столь красочным он получился в своём многообразии: контраст и развитие внешних и внутренних движений героев приводит к полноте образного единства.

Многоговорящая сдержанность пластики Владиславы Пашенко, её скупая мимика при широком голосовом спектре рисуют воплощённую Трагедию – героев, времени, России в целом. Актриса филигранно использует палитру сценического минимализма; подчеркнутая статика её образа впечатляет многообразием оборотов, зазвучавших во взгляде, в мимике, жесте, костюме. Особое внимание в работе над ролью она уделяет голосу: звуки и призывки получают порой значение не менее важное, чем это было бы в эмоциональном монологе или в экспрессивной жестикуляции.

Мне показалось, что актриса по-своему убедительно попыталась написать лик русской женщины в её страданиях и состраданиях, во всеохватывающей любви-жалости, подвигающей её к жертвенности. При всей строгости и экономии выразительных средств музыкально её героиня получила довольно объёмное воплощение, вы-

зывающее в памяти и сольное пение, и заплачки сельской плакальщицы, и звучания космического органа – голоса человеческого души. На этом «органе» виртуозно играет герой Ивана Шевченко – импульсивность, смена настроений, переключение регистров трагического и комического порой вызывает в памяти персонажей Гоголя, Гоголя и Достоевского с их неуловимой и непредсказуемой – «ртутной» – сменой настроений и

внезапными поступками. Актёр передал трудно-объяснимые метаморфозы, происходящие с молодым человеком: малодушие отчаяние, панические порывы скрыться от людей и себя самого вдруг замещаются концентрацией воли сделать то, что должно делать врачу – спасти жизни близких, облегчить их боли. Парадоксальным образом человек в страсти к морфию вызывает слабость и страх боли, но проявляет собранность, силу и бесстрашие, когда от него ждут помощи страждущие – он сам становится для них воплощением болеутоляющего, своеобразным «морфием».

Иван Шевченко в своей роли совместил темп доверительного рассказа, интимного повествования с ритмами эксцентричной пластики, элементами танца в состоянии аффекта, что само по себе подчёркивает странность и загадку человека как такового прежде всего для себя самого.

Иван Шевченко в роли врача Сергея Полякова

К 200-ЛЕТИЮ ДМИТРИЯ ГРИГОРОВИЧА

Он начал слабо, бледно, безлико; знакомство с Некрасовым оказалось тем поворотным моментом в жизни Григоровича, что делает судьбу, открывая человеку – его самого; коллективное произведение трёх авторов: Григоровича, Достоевского и Некрасова «Как опасно предаваться честолобивым снам», появившееся в альманахе «1 апреля» – скорее фарс, где события разворачиваются быстро, как в кинематографе, ещё не существовавшем тогда...

...Чиновик, вынырнувший из счастливого сна, бежит за вором, тщившимся похитить столовое серебро, не догоняет его, но на улице встречает своего начальника, слишком удивлённого растрёпанным видом подчинённого...

Всё наслаивается и дальше (странная тень «Двойника» мерцает за бортами бурлеска...).

Как бы там ни было, но мощнейшее облучение Некрасова и Достоевского, шедшее на Григоровича, заставило его, в сущности плохого знавшего деревенскую тему, приняться за большую повесть, давшую ему изрядное литературное имя. «Деревня»...

Сколь много правды, горестей, слёз связано с понятием этим в пантеоне русской жизни!

Гуцк крепостной крестьянской бездны: жизни, возведённой в квадрат несправедливости; скотница, прямо на скотном дворе рожающая дочь, умирает: уже начало трагично...

Девочка, растущая среди ругани и побоев, в мире, где исключаются ласка и любовь...

Наждачный реализм, проходящий прямо по сердцу; новый этап критического: единственно верного в то время, заставляющего читателя думать – так ли устроен социум, предлагающий такие варианты бытования на земле.

Тургенев – с «Записками охотника» считавшийся зачинателем крестьянской темы, засвидетельствовал приоритет Григоровича.

Затем последовал «Антон-Горемыка», о котором мощно отзывались Белинский и Герцен, находившийся в эмиграции; крестьянская тема расширялась – как увеличивалась боль, вложенная в неё; но Белинский отмечал и необыкновенную трогательность повести.

Действительно – в ней была особая теплота, и даже нежность: к описываемому персонажу.

«Гуттаперчевый мальчик» пишется уже после раскола «Современника», из которого Григорович уходит с Тургеневым; пишется сжатыми красками, смысловое бликующими несколько иначе; но – снова боль, вновь трагедия, и красная нить сострадания, прошивающая повесть, вибрирует раскалённым металлом.

Собственно, в этом одна из коренных сил Григоровича: вызывать сострадание, бороться с равнодушием, не давать жиру самодовольства затгивать души.

И то, как он прилагал эту силу к своим лучшим произведениям, действует и сегодня, когда социум настолько далёк от сострадания и совести, что даже не верится в... эту удалённость.

К 160-ЛЕТИЮ КОРНЕЯ ЧУКОВСКОГО

Ах, сколько фантазии!
Ах, как она, кляпа и поскеркивая персонажами, наполняла детские миры нескольких поколений...

Кто говорит? – Слон...
Добрейший доктор Айболит победит все ситуации, и свершит столь необходимую помощь.

Добрейший дедушка Корней раскрыл кладовые слова, и, пропуская сквозь фильтры отменной фантазии, представлял панорамы – где даже нравоучитель-

ность была обрамлена столь чёткими образами, что помогала взрослеть: как в «Федорином горе», например.

Тараканище страшен: как тиран. Пока не появится герой.

Впрочем, дети едва ли проассоциируют описанную ситуацию с политической данностью, это уже взрослое восприятие.

...Он был серьёзным литературоведом: сборник «От Чехова до наших дней» убеждает в этом.

Очерки, совмещающие занимательность и анализ, играли гаммой мысли и были выверены стилистически.

Многолетний труд о Некрасове вылился в выход первого советского собрания стихотворений: снабжённого многочисленными, тщательно выверенными комментариями.

Он долго и кропотливо работал с рукописями классика и – огромное число поэтических строк его введено в оборот именно Чуковским.

Он занимался переводами – в том числе формую пересказа для детей, и издал замечательные мемуары...

К 145-ЛЕТИЮ АЛЕКСЕЯ НОВИКОВА-ПРИБОЯ

Волны Новикова-Прибоя накатывают на реальность: будто продолжается Цусима...

...Он ярко живописал море: сочно, оманно, точно вглядываясь в каждую волну; он детально описывал устройства кораблей, будучи влюблённым в морское корабельное дело...

...Матрос Балтийского флота, усиленно занимающийся самообразованием, в «Кронштадтском вестнике» он печатает статью, призывающую матросов посещать вечерние школы.

Он участвует в котле Цусимы, попадает в японский плен, и там ему приходит мысль в голову описать бывшее с ним: отчего литература выигрывает.

Памятные литературные даты марта

Но в сознание поколений дедушка Корней будет связан прежде всего с детскими своими поэмами, дававшими первую, одну из первых возможностей соприкоснуться с подлинной литературой: чтобы запомнить впечатления на всю жизнь.

Много истоскостей у Чуковского – переводчик, критик, составитель замечательной подборки "От 2 до 5", но дедушка Корней ближе и роднее всего именно, как дедушка – как великолепный рассказчик замечательных историй – в рифму, ибо какая же детская поэзия обойдётся без неё?

Один из броненосцев, отправляющихся на войну с Японией: Новиков-Прибой, служащий на нём; но прежде, чем достигнуть берегов Японии, предстоит совершить долгий путь, и страшные события начинают закипать уже во время пути...

Командование бездарно: командование принимает решения, гибельные для всей команды; никакого мишталничанья не позволит себе писатель, использующий только наждачную правду.

Он жёстко оценивает царизм. Он пишет много о борьбе рабочих – логично: все хотят быть сыты и грамотны.

Это – как речь на могиле Илюшенки из "Братьев Карамазовых" – та же мощь, та же сила...

Только... есть ли выход к свету через пути страданий, которыми изломисто идут герои Распутина?

Есть ли он? Ибо отсутствие такового не может сделать книгу значительной, ибо литература существенна лишь в той мере, в какой даёт почувствовать парение души, прикосновение к облакам.

А сама повесть – с её живым, хлебным языком, с нежной, такой простой Настёной, с Андреем, ощутившим, что такое жизнь в тулнике, – есть световое вещество жизни: ибо, как бы ни была тяжела она, это всё равно жизнь...

Далее накатят волны "Прощания с Матёрой", – где образы старых, пыющих чай так, будто вот-вот к ним в гости заглянет смерть, врезаются в память алмазными гранями силы и мастерства; Матёра – книга о разрушении и стойкости: могучий "царский ливень" (чуть ли не тень Мирового древа!), – волны, несущие новое, но несущие его через разрушение, не могут сокрушить, как сокрушат они деревню, разорят кладбище...

Великолепные "Уроки французского", в сущности, обжигающий стигмат сострадания, вырезаемый на сердце читателя; тут линии Достоевского и Некрасова причудливо переплетаются, точно вырастая в современный материал скудости и бедности.

А как роскошно-живописен очерк о Байкале! вода его блистит, и берега чуть не прогибаются от обилия ягодных кустов; и дремлет в этот час бело-прозрачное море Байкала готово поделиться силой своей с читающими строки Распутина.

Книги – тёртые, сильные, с хлебом и гневом, правдой и жёсткостью – строил Распутин, как строили когда-то терема, и хотя в его книгах мало праздничного, сам факт, что были они – праздник русской литературы.

А "Живи и помни" страшнее Матёры не из-за окуляра войны, а из-за ячеей памяти, которую не поврать.

...Сухая, трущаяся друг о друга картошка – коли нести её в мешке: еда "Уроков французского" – переходит в гематоген и макароны, проводя линии фраз по полю новеллистического шедевра.

Матёра не отстоять, как не продлить жизнь старухам, сидящим за чаем; но дети вырастают всегда, и опыт их – круглый от получаемого добра, квадратный от причинённой боли – формирует их различно: и читателями, сопереживающими персонажам, и делягами, отвергающими гуманитарный мир.

Баня. Баня с науками из Достоевского – ассоциацией.

Добрь и опь войны, и – любовь в недрах их (и войны, и бани) – страшная, как крест.

Кресты кладбища, уничтожаемые, сжигаемые; фотографии мелькают, проваливаясь в небытие.

Оно существует: как бездна, в которой не представить ячеек света.

И... байкальская роскошь, гладкая пышность воды, неистовство растительности берегов, сборы ягод, изобилие живописи – точно фламандское нечто, а вовсе не русское, выплснuto в данность; роскошь очерка, ткущего сочно, вкусно, сладко.

Прозаические миры звучат такой метафизикой, что любая метафизика отступает перед гуцей человеческой debris.

...А когда дело дойдёт до водки, будут её передавать бережно, по бутылке, из рук в руки, тут же отпивая, хмелая...

«Пожар» Распутина неистово раскинется на страницах повествования,

К 85-ЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА МАКАНИНА

Один и одна...

Маканин – с самого начала – исследовал разные виды, типы, подтипы одиночества; варианты дружбы, скрученной в телефонных проводах, бытие Ключарёва и Алимущкина, частично отдающее абсурдом.

Он круто строил фразу и придерживался реализма, даже сочиняя свои сюрреалистические рассказы.

...Вас убьют, когда вы не ждёте; в обществе всем известно: могут любого забрать, отвести на машине за город, зарезать.

Так просто рассказывается о страшном: о мечте всякого тирана.

Маканин разнопланов, хотя и реалистичен всегда: тщательно прописываются детали, ярко вспыхивает фон.

Он реалистичен, изображая психиатрическую больницу, где собран весь цвет интеллигенции; он реалистичен, изображая войну, он...

Андеграунд тяжёл: погружение в спой не обещает особого удовольствия.

...интеллигент, несущий возмездие подлецам; общежитие, как символ советской – и постсоветской – вообще, российской жизни; рваные ритмы кухни андеграунда...

Всё закономерно. И это тоже реализм.

(Предельный реалист – это Джойс: не замечали?)

«Две сестры и Кандинский» текстуально исследуют феномены стукачества и доносительства, слишком распространённые... не только у нас.

Маканин исследовал много социальных феноменов.

Его книги остры.

Они режут биссектрисами смысла загнувшие головы скучных обывателей.

Те не просыпаются.

Но книги Маканина продолжают звучать.

Ключарёв и Алимущкин, скрученные дружбой, как телефонные, перепутанным проводом (почти забылись теперь аппараты такие, забылись, как многие из жизни быта), поражали нестандартностью – и литературных ходов, и языка самого, каким живописались отношения их.

Маканин совершенствовался, видоизменяя прозу свою, включая в неё новые словесные ключи, быющие то ярким бытописательством, то абсурдной стрёбу; Маканин погружался в спой андеграунда, показывая своеобразного героя – не из тех, кто, будучи тихим низвергателем советской власти, ждал власти новой, чтобы занять в ней нишу постов и стать получателем премий, а из тех, кто, обладая подлинной силой духа, не согласился бы ни с какой властью, ибо любая, в конечном итоге, больше интересует самую собой, нежели бездной живущих при ней.

Андеграунд играл многоцветьем, и был суров, в чём-то жесток даже, но участие в нём давало и определённую стойкость, что позволяло определить человека как героя.

Не изведав шума, и страха, и страсти войны, Маканин пишет «Асан», подвергавшийся критике воевавших; но роман этот – река с глубиною медленного течения, ибо реалистическое повествование, свой угол зрения на войну и на человека вообще своеобразно выводит его за границы военной темы, хотя и используется она как сюжет.

Роман об амбивалентности, если не расчленимость человека в зеркалах яви, и об отношениях каждого с самим собой, и если есть в нём фактические ошибки (сомнительна, например, возможность героев общаться по сотовым телефонам), то сотрутся они временем, оставляющим главное.

А творчество Маканина – из основного ряда, от ключевых источников, и того качества, которое позволяет говорить о пресловутой вечности.

Главный редактор – Валентина ЕРОФЕЕВА

АНО «Газета русских писателей «ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ»

Учредитель – Союз писателей России

Свидетельство о регистрации от 12.04.2019

№ 1197700005513

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13, каб. 109

Тел. редакции: 8 (916) 015-80-69

Наш сайт: denliteraturi.ru

Электронный адрес: denlitera@yandex.ru

Отпечатано в АО "Красная Звезда" (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, http://www.redstarprint.ru, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).

Тираж 4 000

Подписано в печать 24.03.2022 г.

Заказ № 1844-2022